

посессивных отношений методом сопоставительного анализа на материале неродственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Общая лингвистика: пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. С. 203–224.

2. Бондарко А.В., Гак В.Г. Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

3. Кибрик А.Е., Леонтьев А.П. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. М., 2006. № 1. С. 16–45.

4. Милованова М.В. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: Монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2007. 408 с.

5. Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.

УДК 811.51

Е.В. Кашкин

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)*

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА: АРЕАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

Статья посвящена сложным глагольным комплексам, состоящим из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола. Обсуждается материал татышлинского говора

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М.В. Ломоносова).

удмуртского языка в сопоставлении с другими языками Волго-Камского ареала. Рассматриваются примеры ареальной вариативности в семантике таких конструкций.

Ключевые слова: уральские языки, языки Волго-Камского ареала, удмуртский язык, татышлинский говор, сложные глагольные комплексы, семантика, типология.

The article deals with complex predicates which include the converb of a lexical verb and a grammaticalized verb. I discuss the data of Tatyshly Udmurt in comparison with other languages of the Volga-Kama area. Examples of semantic variation in these constructions within the area are considered in the article.

Key words: the Uralic languages, languages of the Volga-Kama area, Udmurt, Tatyshly subdialect, complex predicates, semantics, typology.

1. Введение

Под сложными глагольными комплексами, о которых идет речь в статье, понимаются морфосинтаксически слитные конструкции, состоящие из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола, добавляющего в конструкцию те или иные семантические компоненты. В удмуртском примере (1) представлен лексический глагол *kârž'anə* 'петь' в форме деепричастия на *-sa* и грамматикализованный глагол *lez'əñə* 'пустить, послать, бросить', в данном случае привносящий инхоативную семантику (т.е. значение начала действия).

(1) удмуртский (татышлинский говор)

maša kârž'a-sa lez'-i-z.

Маша петь-СВВ пустить-РСТ-3СГ

'Маша запела'.

Такие конструкции изучались на материале многих языков Волго-Камского ареала (см., например, [1, 4, 5, 9, 12]). Ряд авторов обращали внимание на сходства в моделях их устройства [4, 12 и др.]. Наряду с такими сходствами, между сложными глагольными комплексами в разных языках ареала наблюдаются микровариации, когда от глаголов со сходной семантикой образуются на

первый взгляд аналогичные конструкции, однако при более внимательном рассмотрении свойства таких конструкций не оказываются тождественными. Подобные случаи мы и обсудим в статье, остановившись на нескольких конструкциях в качестве иллюстраций.

Основным рассматриваемым нами идиомом станет татышлинский говор удмуртского языка*. Ранее сложные глагольные комплексы в этом говоре, серьезно отличающемся от литературного удмуртского и подверженном тюркскому влиянию, исследованы не были (ср. лишь краткую справку в [11, с. 99, 104]). Существующие публикации [4, 7, 14] опираются на материал других вариантов удмуртского языка. Помимо этого, мы будем привлекать данные горномарийского языка, также собранные нами в полевых условиях**, и использовать сведения, доступные из описаний других языков ареала. Примеры, записанные нами в экспедициях, приводятся в фонологической транскрипции. В том случае, если пример получен методом анкетирования, специальных помет при нем не дается. Корпусные примеры сопровождаются указанием на название текста. При цитировании из источников система записи сохраняется. В нотации примеров используются пометы, указывающие на степень их грамматичности: * – пример неграмматичен для опрошенных носителей; ? – пример грамматичен для большей части (но не для всех) опрошенных носителей; ?? – пример грамматичен для меньшей части опрошенных носителей. Примеры, грамматичные для всех опрошенных носителей, помет не получают.

* Данные собраны в 2019–2022 гг. в экспедициях ОТиПЛА МГУ в с. Нижнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Старокальмиярово, Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан. Мы проводили анкетирование носителей, а также использовали корпус, доступный на странице <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>. Подробнее о проекте см. <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>.

** Изучались говоры с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и окрестных деревень, см. подробнее <https://hillmari-exp.tilda.ws/>

2. Глаголы зрительного восприятия и семантика попытки

В татышлинском говоре удмуртского языка глагол *aʔʒ'ānā* ‘видеть’ используется в конструкциях с семантикой попытки-«эксперимента» (2)–(3), ср. также недопустимость этого глагола в ситуации попытки с акцентом на приложение усилий (4).

(2) удмуртский (татышлинский говор)

vas'a *ós-ez* *ús'tā-sa* *aʔʒ'-i-z*.
Вася дверь-ACC открыть-CVB видеть-PST-3SG
‘Вася попробовал открыть дверь’.

(3) удмуртский (татышлинский говор)

vādā-sa *aʔʒ'-em* *baʔʒ'ām* *kojka-je*.
лечь-CVB видеть-PST2 большой кровать-ILL
kel'sā-mte.
нравиться-PST2.NEG

‘Попробовала лечь на большую кровать. Не понравилось’.
[Корпус: ShZA_03072019_EK_tri_medvedja].

(4) удмуртский (татышлинский говор)

nālaš *ājbat* *ukā-nā*
девочка хорошо учиться-inf
tārš-i-z / **ukā-sa* *aʔʒ'-i-z*.
стараться-PST-3SG учиться-CVB видеть-PST-3SG
‘Девочка (по)старалась хорошо учиться’.

Такое значение распространено у конструкций с глаголами зрительного восприятия и в других языках (см. о горномарийских данных [2] и о материале алтайских языков [1, с. 88–89; 15]). В то же время по языкам варьирует исходная семантика используемого в такой конструкции глагола – ‘видеть’ или ‘смотреть’. Так, для выборки алтайских языков зафиксированы обе возможности [1, с. 88–89]. В собранном нами горномарийском материале семантика попытки характерна для комплексов с глаголом *anžaš* ‘смотреть’ (5), но не с глаголом *užaš* ‘видеть’. То же наблюдается в луговом марийском языке [12, с. 196–198].

(5) горномарийский

<i>vas'a</i>	<i>amasa-m</i>	<i>pač-ân</i>	<i>anž-en.</i>
Вася	дверь-ACC	открывать-CVB	смотреть-PRET

‘Вася попробовал открыть дверь’.

В татышлинском говоре удмуртского языка глагол *aʒʒ'ânâ* используется в первую очередь в значении ‘видеть’ (6), тогда как значение ‘смотреть’ базово выражается глаголом *uč'kânâ* (7).

(6) удмуртский (татышлинский говор)

<i>tin'i</i>	<i>bes'erman'-n'os-âz</i>	<i>no</i>
вот	бесермянин-PL-ACC	ADD

aʒʒ'-i-m *ižefsk-e* *ve'lâ-sa.*

видеть-PST-1PL	Ижевск-ILL	ходить-CVB
----------------	------------	------------

‘Вот и бесермян видели, когда ездили в Ижевск’ [Корпус: GRG-072019_VI_moscow].

(7) удмуртский (татышлинский говор)

<i>anaj</i>	<i>ukno-je</i>	<i>uč'k-e</i>	<i>/*aʒʒ'-e.</i>
мать	окно-ILL	смотреть-PRS.3SG	видеть-PRS.3SG

‘Мама смотрит в окно’.

Однако глагол *aʒʒ'ânâ* встречается в нашем материале и в некоторых контролируемых контекстах, присущих значению ‘смотреть’, как в примерах (8)–(9). См. также фиксацию в удмуртских диалектах значений ‘видеть’, ‘высмотреть’, ‘усмотреть’ [16, с. 2], а в немецкой части словарной статьи – ‘sehen’ и ‘ansehen’. Аргументировать, значимо ли это для возникновения семантики попытки, достаточно сложно, учитывая, что типологически она может развиваться и на базе значения ‘видеть’.

(8) удмуртский (татышлинский говор)

<i>mon</i>	<i>t'el'evizâr</i>	<i>aʒʒ'-is'ko-o.</i>
я	телевизор	видеть-PRS-1SG

‘Я смотрю телевизор’.

(9) удмуртский (татышлинский говор)

č'užaj *a'ž'-e* *nəlpi-jos-âz.*
бабушка_по_матери видеть-PRS.3SG ребенок-PL-ACC
'Бабушка смотрит за детьми'.

3. Глаголы позиции и семантика множественности

Конструкции с глаголом *kâl'l'ânâ* 'лежать, находиться'* используются в татышлинском говоре удмуртского языка в контекстах, относящихся к зоне глагольной множественности. Во-первых, это контексты прогрессива, в которых конструкция описывает среднюю фазу протекания ситуации (10)–(11).

(10) удмуртский (татышлинский говор)

mon *korka* *pârâ-kâ* *anaj*
я дом войти-CVB.SIM мать
vâž *mis'kâ-sa* *kâl'l'-e* *val.*
пол мыть-CVB лежать-PRS.3SG быть-PST
'Когда я вошел в дом, мама мыла пол'.

(11) удмуртский (татышлинский говор)

kuaz' *kâk* *sägât* *zorâ-sa* *kâl'l'-e* *in'i.*
погода два час дождь-CVB лежать-PRS.3SG уже
'Дождь идет уже два часа'.

Во-вторых, это хабитуальные контексты, в которых идет речь о регулярно происходящих действиях, см. (12)–(13). При этом предполагается, что действие осуществляется часто (ср. пример (14), где конструкция с *kâl'l'ânâ* неприемлема для большинства опрошенных носителей. Схожие примеры из кукморского диалекта удмуртского языка,** также относящегося к южному наречию, приводятся в статье В.К. Кельмакова, ср. *vis'ъsa kъл'l'ънь* 'быть болезненным,

* В литературном удмуртском соответствующий глагол *кыллыны* означает 'лежать'. В татышлинском говоре он покрывает более широкий набор локативных ситуаций (см. подробнее [3]).

** В некоторых источниках этот идиом обозначается как кукморский говор. Мы сохраняем терминологию автора цитируемой работы.

постоянно болеть’, *жуҗис’к’са къл’л’ънъ* ‘драться (часто, постоянно)’ [4, с. 97].

(12) удмуртский (татышлинский говор)

<i>vas'a</i>	<i>ǰ'üä-sa</i>	<i>kâl'l'-e,</i>	<i>so-in</i>	<i>so-je</i>
Вася	пить-CVB	лежать-PRS.3SG	TOT-INS	TOT-ACC
<i>už-is't-äz</i>		<i>pot-t-i-zâ.</i>		
работа-EL-POSS.3SG		ВЫЙТИ-CAUS-PST-3PL		

‘Вася пьет, поэтому его с работы уволили’.

(13) удмуртский (татышлинский говор)

<i>küaz'</i>	<i>zor</i>	<i>käzär</i>	<i>nunal-lâ</i>
погода	дождь	сейчас	день-DAT
<i>bâde</i>	<i>zorâ-sa</i>	<i>kâl'l'-e.</i>	
по	идти_о_дожде-CVB	лежать-PRS.3SG	

‘Дождь сейчас идет каждый день’.

(14) удмуртский (татышлинский говор)

²² <i>küaz'</i>	<i>zor</i>	<i>käzär</i>	<i>tolez'-a-z</i>	<i>odig</i>
погода	дождь	сейчас	месяц-LOC/ILL-POSS.3SG	один
<i>pol</i>	<i>gäne</i>	<i>zorâ-sa</i>	<i>kâl'l'-e</i>	
раз	только	идти_о_дожде-CVB	лежать-PRS.3SG	
<i>na, ǰ'ü</i>	<i>küas'm-e.</i>			
PTCL зерно	сохнуть-PRS.3SG			

‘Дождь сейчас идет только раз в месяц, урожай гибнет’.

Кроме того, в конструкции с *kâl'l'ânâ* невозможны предикаты индивидуального уровня (15)–(16), т.е. такие, которые описывают не ситуацию, имеющую место в ограниченный период, а сущностное свойство участника (‘знать удмуртский язык’, ‘верить в Бога’, ‘любить белые розы’ и т.п. [13]).

(15) удмуртский (татышлинский говор)

<i>nâloška</i>	<i>udmurt</i>	<i>kâl-ez</i>	<i>äjbät</i>	<i>tod-e</i>	/
девочка	удмурт	язык-ACC	хорошо	знать-PRS.3SG	
<i>*todâ-sa</i>	<i>kâl'l'-e.</i>				
знать-CVB	лежать-PRS.3SG				

‘Девочка хорошо знает удмуртский язык’.

(16) удмуртский (татышлинский говор)

<i>mânam</i>	<i>pes'aj-e</i>	<i>bâgat-i-z</i>	/
я.GEN	бабушка_по_отцу-POSS.1SG	уметь-PST-3SG	
*bâgatâ-sa	kâl'l'-i-z	<i>derem</i>	<i>vurâ-nâ.</i>
уметь-CVB	лежать-PST-3SG	платье	шить-INF

‘Моя бабушка умела шить платья’.

В исследованных нами горномарийских говорах похожим образом обособляется семантика часто происходящего действия: в этом случае могут использоваться конструкции с глаголом *šalgaš* ‘стоять’ (17). Эти конструкции, кроме того, не допускают предикатов индивидуального уровня (18), что мы наблюдаем и в татышлинском говоре удмуртского языка.

(17) горномарийский

<i>vara</i>	<i>šošâm</i>	<i>ul'a-štâ</i>	<i>t'emp'eraturâ-m</i>
потом	весна	улей-IN	температура-ACC
<i>kuz-âkt-at</i>		<i>dä</i>	<i>postojannâ</i>
подниматься-CAUS.DIST-NPST.3PL	и		постоянно
<i>kâmlâ</i>	<i>näl</i>	<i>gradus</i>	<i>närâ-m</i>
тридцать	четыре	градус	APPR-ACC
kâč-en	šalg-at.		
держаться-CVB	стоять-NPST.3PL		

‘Потом весной поднимают температуру в улье и постоянно поддерживают примерно 34 градуса’ [Корпус: «Зимовье пчел», 21].

(18) горномарийский

<i>vas'a</i>	<i>mat'emati'ikâ-m</i>	<i>jažo-n</i>	
Вася	математика-ACC	хороший-ADV	
<i>päl-ä</i>	/	*päl-en	šalg-a.
знать-NPST.3SG	знать-CVB	стоять-NPST.3SG	

‘Вася хорошо знает математику’.

В то же время между удмуртскими конструкциями с *kâl'l'ânâ* и горномарийскими конструкциями с *šalgaš* имеются различия, во-первых, в исходной семантике подвергающихся грамматикали-

зации позиционных предикатов ('лежать, находиться' в удмуртском и 'стоять' в горномарийском); во-вторых, в контекстах прогрессива, допускающих рассматриваемую конструкцию в татышлинском говоре удмуртского языка, но (для большинства опрошенных носителей) не в горномарийском, ср. (19).

(19) горномарийский

<i>toma</i>	<i>liš-kä</i>		<i>mi-mäk-em,</i>	
дом	окрестность-ILL2		приходить-CVB.ANT-POSS.1SG	
<i>leväš</i>	<i>gäc</i>		<i>väd</i>	<i>pat'k-en /</i>
крыша	EL		вода	капать-PRET
<i>pat'k-en</i>	<i>šalg-en.</i>			
капать-CVB	стоять-PRET			

'Когда я подошел к дому, с крыши капала вода'.

По данным П.В. Гращенкова, в алтайских языках развитие значений из зоны глагольной множественности характерно для конструкций как с лексемой 'стоять', так и с лексемой 'лежать' (в т.ч. для татарских конструкций с глаголами *тор* 'стоять' и *ят* 'лежать') [1, с. 59–61]. То же верно и в более широкой типологической перспективе [см.: 6, с. 273–278, 289–292].

4. Глаголы приобретения и семантика низкой степени

В татышлинском говоре удмуртского языка конструкции с глаголом *bas'tänä* 'взять' характеризуют непродолжительные ситуации (20), ср. также допустимость такой конструкции (21) и недопустимость (22), где описывается продолжительная ситуация. Похожие примеры зафиксированы в кукморском диалекте удмуртского языка, см. *из'ьса бас'тнь* 'поспать немного', *д'ал карьса бас'тнь* 'отдохнуть немного, сделать передышку' [4, с. 102].

(20) удмуртский (татышлинский говор)

<i>ton</i>	<i>vädä-sa</i>	<i>bas't-i-ø.</i>
я	лечь-CVB	взять-PST-1SG

'Я прилег [отдохнуть ненадолго]'.

*'Я лег спать [на ночь]'.

(21) удмуртский (татышлинский говор)

mon so-in kâk minut
я тот-INS два минута
vera-s'kâ-sa bas't-i-ø.

говорить-DETR-CVB взять-PST-1SG

‘Я поговорил с ним две минуты’.

(22) удмуртский (татышлинский говор)

**mon so-in žâŋâ nunal vera-s'kâ-sa bas't-i-ø.*

я тот-INS половина день говорить-DETR-CVB взять-PST-1SG

Ожидаемое значение: ‘Я проговорил с ним полдня’.

Имеются примеры, в которых конструкции с этим глаголом указывают на низкую степень других релевантных для ситуации параметров, например, на степень замерзания (23), на неполное открытие двери (24)* или на невнимательное восприятие радиопередачи (25).

(23) удмуртский (татышлинский говор)

mon ôžât kânmmâ-sa bas't-i-ø.
я немного мерзнуть-CVB взять-PST-1SG

‘Я не сильно замерз’.

(24) удмуртский (татышлинский говор)

mon ôs-ez ûs'tä-sa bas't-i-ø.
я дверь-ACC открыть-CVB взять-PST-1SG

‘Я открывал дверь на время [а потом закрыл]’.

‘Я приоткрыл дверь [не настежь]’.

(25) удмуртский (татышлинский говор)

mon rad'io-is' peredač'a kâld-is'kâ-sa
я радио-EL передача слушать-DETR-CVB
bas't-i-ø.

взять-PST-1SG

‘Я послушал передачу по радио [не очень внимательно, занимаясь чем-то еще параллельно]’.

* Еще одна интерпретация данного примера предполагает упомянутую ранее семантику небольшой продолжительности ситуации.

Различные типы кратковременных действий описываются конструкциями с глаголом ‘братъ’ и в чувашском языке (26) [10].

(26) чувашский (низовой диалект)

ivan šivär-sa il-č-ě.
 Иван спать-CVB братъ-PST-3
 ‘Иван немного поспал’ [10, с. 40].

Такая же семантика отмечается у татарских конструкций с глаголом *ал-* ‘братъ’ [1, с. 66]. Она может выражаться и аналогичными конструкциями в луговом марийском языке [8, с. 211], что иллюстрируется примерами (27)–(28).

(27) луговой марийский

Ўмба-кы-же шем мыжсер-ым сакы-ш,
 верх-ILL2-POSS.3SG черный кафтан-ACC вешать-AOR
йол-ышкы-жо пушкыдо межгем-ым чийы-ш
 нога-ILL2-POSS.3SG мягкий валенок-ACC надевать-AOR
да пӧрт кумдык-еш мӧнгеш-оньыш
 и дом пространство-LAT обратно-дальше
кошт-ед-ен нал-е.
 ходить-ITER-CVB братъ-AOR.3SG
 ‘Накинув на себя черный кафтан, [дед Павел] надел мягкие валенки и прошелся туда-сюда по комнате’ [8, с. 211].

(28) луговой марийский

Ик кугу паша-м терг-ен,
 один большой работа-ACC проверять-CVB
ойл-ен нал-аш кӱл-еш ыле.
 говорить-CVB братъ-INF быть_нужным-NPST.3SG RETR
 ‘Надо поговорить об одном большом деле’ [8, с. 211].

В горномарийском языке, по нашим данным, значение малой продолжительности не выражается конструкциями с глаголом *näläš* ‘братъ’, ср. пример (29), где эта семантика выражается с помощью аттенуативного суффикса, но не сложного глагольного комплекса.

(29) горномарийский

<i>mä-län-nä</i>	<i>šajâšt-al-aš</i>	/	<i>*šajâšt-ø</i>
мы-DAT-POSS.1PL	говорить-АТТ-INF		говорить-CVB
<i>näl-äš</i>	<i>kel-eš.</i>		
брать-INF	быть_нужным-NPST.3SG		

‘Нам надо поговорить’.

В то же время в горномарийском языке продуктивно описываются этими конструкциями действия, совершаемые в интересах субъекта, см. (30)–(31). Такие употребления характерны и для лугового марийского языка [8, с. 210–211], а также для многих алтайских языков [1, с. 65–66]. Однако для татышлинского удмуртского они, по имеющимся данным, не свойственны, это подтверждает невозможность конструкции с *bas'tänä* в примере (32).

(30) горномарийский

<i>tän'kontrol'näj</i>	<i>päšä-m</i>	<i>malän</i>	<i>paškudä</i>
ты контрольный	работа-ACC	почему	сосед
<i>gäc-än</i>	<i>sir-en</i>	<i>näl-än-ät?</i>	
EL-FULL	писать-CVB	брать-PRET-2SG	

‘Ты почему списал контрольную работу у соседа?’

(31) горномарийский

<i>ekskurs'i-štä</i>	<i>šukä</i>	<i>u-m</i>	<i>päl-en</i>
экскурсия-IN	много	новый-ACC	знать-CVB
<i>näl-än-nä.</i>			
брать-PRET-1PL			

‘На экскурсии мы узнали много нового’.

(32) удмуртский (татышлинский говор)

<i>mon</i>	<i>tros</i>	<i>vil'-ze</i>	<i>tod-i-ø /</i>
я	много	новый-ACC.POSS.3SG	знать-PST-1SG
<i>*todä-sa</i>	<i>bas't-i-ø.</i>		
знать-CVB	взять-PST-1SG		

‘Я узнал много нового’.

5. Заключение

В статье рассмотрено употребление сложных глагольных комплексов в татышлинском говоре удмуртского языка в сопоставлении с некоторыми другими языками Волго-Камского ареала. Приведенные иллюстрации демонстрируют, с одной стороны, сходство некоторых моделей: обозначение попытки-«эксперимента» конструкциями с глаголом зрительного восприятия; выражение значений из зоны глагольной множественности (в особенности хабитуальных ситуаций, происходящих с высокой частотой) с помощью конструкции, включающей грамматикализованный глагол позиции; использование глагола с исходным значением ‘брать’ / ‘взять’ в конструкции, обозначающей малую продолжительность ситуации. С другой стороны, в устройстве рассматриваемых конструкций в языках ареала есть случаи варьирования в исходной семантике подвергающегося грамматикализации глагола (‘видеть’ / ‘смотреть’, ‘лежать, находиться’ / ‘стоять’), а также в наборе употреблений в сложных глагольных комплексах (ср., например, различную приемлемость конструкций с позиционными предикатами в контекстах прогрессива, разный набор значений у конструкций с глаголом ‘брать’ / ‘взять’). Дальнейшее исследование подобного варьирования с расширением как набора рассматриваемых глаголов, так и языковой выборки представляется типологически значимой задачей.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиализатор; AOR – аорист; APPR – показатель с семантикой приближенности; ATT – аттенуатив; CAUS – каузатив; CAUS.DIST – дистантный каузатив; CVB – деепричастие; CVB.ANT – деепричастие с семантикой предшествования; CVB.SIM – деепричастие с семантикой одновременности; DAT – датив; DETR – детранзитивизатор; EL – элатив; FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; ILL2 – второй (непродуктивный) иллатив; IN – инессив; INF – инфинитив; INS – инструменталис; ITER – итератив; LAT – латив; LOC – локатив; NEG – отрицание; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRET – претерит; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; PTCL – частица; RETR – ретроспективный сдвиг; SG – единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гращенков П.В.* Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Яз. славян. культуры, 2015. 264 с.
2. *Кашкин Е.В.* Грамматикализация глагола *anžaš* 'смотреть' в горномарийском языке // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020. М.: Буки Веди, 2020. С. 91–98.
3. *Кашкин Е.В., Сеницына Ю.В.* 'Лежать' или не 'лежать': вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции в татышлинском удмуртском) // Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4. М.: Буки Веди, 2022. С. 126–142.
4. *Кельмаков В.К.* Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск: УдНИИ, 1975. С. 90–105.
5. *Лебедев Э.Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 164 с.
6. *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 480 с.
7. *Пишлэгер К.* Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке. Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2017. С. 250–261.
8. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
9. *Чаудзе М.П.* Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 108 с.
10. *Шлуинский А.Б.* Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 1. 2006. С. 32–46.
11. *Baidoullina A.* Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2003. 160 с.
12. *Bradley J.* Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD Thesis. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 pp.
13. *Carlson G.* Reference to kinds in English. PhD dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 1977. 311 pp.
14. *Horvath L.* On the aspectual markers of the Udmurt language: expressions of aspect in dialects // Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálistikai tanulmányok 20). Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 2013. P. 108–123.

15. *Voinov V.* ‘Seeing’ is ‘trying’: the relation of visual perception to attemptive modality in the world’s languages // *Language and Cognition*, 5 (1), 2013. P. 61–80.

16. *Wichmann Y.* *Wotjakischer Wortschatz* / Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. XXIII + 421 S.

УДК 811.511.131’0(045)

В.К. Кельмаков

*Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск)*

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА И УДМУРТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Автор статьи, вопреки мнению многих исследователей, утверждавших, что удмуртская письменность возникла [1] после Октября 1917 г. или, [2] в лучшем случае, в год издания первой удмуртской грамматики (1775), присоединяется к мнению тех немногих специалистов, которые считают годом возникновения письма на удмуртском языке 1726, когда были зафиксированы первые удмуртские лексемы; причем не на кириллице, как пишут некоторые, а на латинской графической основе.

Ключевые слова: *удмуртская письменность, первая удмуртская грамматика, кириллица, латиница.*

The author of the article, contrary to the opinion of many researchers who claimed that the Udmurt writing originated [1] after October 1917 or; [2] at least, in the year of publication of the first Udmurt grammar (1775), joins the opinion of those few experts who consider the year of 1726 to be the year of writing emergence in the Udmurt language; the time when the first Udmurt lexemes were registered; and not in Cyrillic, as some scholars consider, but on a Latin graphic basis.

Key words: *the first Udmurt grammar, Udmurt writing, Cyrillic alphabet, Latin alphabet.*